Соловар В. Н.

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск

Возраст в семантическом пространстве образа человека как компонент языковой картины мира хантов (на материале казымского диалекта)

The age in a semantic space of human image in a language world picture of Khanty (on the material of Kazym dialect)

УДК 81' 37=511.142; 159.9;39

Аннотация. Переживание человеком пространственно-временных измерений его жизни зависит от исторических, культурных и социальных условий его существования, специфики конкретного этапа развития общества, от духовного и эмоционального склада. Параметр возраст пересекается с категорией времени в понятии время жизни. Возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств человека.

Summary. Human emotional experience of space-time measurements of its life depends on historical, cultural and social conditions of its existence, the specificity of the concrete stage of the society development, the spiritual and emotional make-up. Parameter of the age intersects with the category of time in the conception of lifetime. The human age is the object of the assessment both in aspect of appearance and in aspect of internal, spiritual, mental human qualities.

Ключевые слова: возраст, детство, зрелость, старость, качества человека, категория времени.

Keywords: Age, childhood, maturity, old age, the qualities of human, the category of time.

Осознав себя как временное, невечное существо, подверженное изменениям, человек пришел к пониманию необходимости различения отрезков собственной жизни. Параметр возраст позволяет человеку ориентироваться в отпущенном ему количестве лет, фиксировать время своей жизни. Количество прожитых человеком дней, месяцев, лет, количество пережитых за это время событий, объем практического и чувственного опыта позволяет ему переходить на качественно новые этапы развития, существовать в различных возрастных ипостасях.

В первую очередь о возрасте дает информацию внешний облик человека, например: *Нбар хунэп ай ики* лер йиңэл дьпийн керэбьэлэ 'Маленький мальчик с голым животом в коробе валяется'; *Щи неңэн нөттэл ма луваттем* 'Эта женщина такого же возраста, как я'; *Майта сорам вени* 'Какое высохшее лицо' (о старом человеке); *Икэл вэйңэл кәншэс па хишем каврэдман* ким ши мәнэс 'Муж нашел кисы, и пыля (букв.: плесень растряся) вышел на улицу'; *Ай пухэл* лер йиңэллэнкэл нух пуншсэлэ 'Младший сын короб, сплетенный из корней, открыл'; *Айа вантэсэл* 'Моложавая' (букв.: смотрится к молодому).

Образная составляющая концепта возраст отражает связь данного параметра с древнейшими, архетипическими представлениями о мире и месте человека в нем. Возраст представлен словами, обозначающими семейные отношения, возрастную градацию между членами семьи (бабушка, мать, дедушка, отец, дядя, младшие братья и сестры, братик, сестренка, дочка и др.), связь с предками, например: *Нбаврэмдэв шеңкдэсэт*, *Хилнеңэн* йухтэс 'Внучка=твоя приехала'; *Па ши пирэщ икэн муйа шабьцащия* алщэлэм 'Почему этого пожилого мужчину я называю дедушкой' *Вўни акэн щиты верэнтэс* 'Даже дядя-нельма так не делал'; *Акийэ йўхпийэ лавэдэ* ар вөнтэ 'Много лесов, ждущих, со старыми могучими деревьями (букв.: дядя-деревь)'.

При определении возраста человека, как отмечает Н. Н. Прокопьева, используются различные коды – социальный код, животный, растительный [2, 175–176]. Вслед за автором мы отмечаем в хантыйском языке наличие подобных характеристик, так, например, возраст ука-

зывает на социальную роль человека: *Ими төтө дуват* 'Возраст, когда приводят жену'; *Па хота мәнты нөпөт* 'Возраст, когда уходят в другой дом'; *Атэдт хэйцэм нө* 'Вдова (букв.: одна оставшаяся женщина)'; животный код – *Хөйа-войа* йис 'Стал зрелым (букв.: мужчиной-животным стал)'; Лүв худна ай хор иты хөхэбьэл 'Он все еще как молодой бык бегаёт'; Йа муй, ши *шишамлэңки*. Хута льоль 'Ну что этот медвежонок. Куда ему (то есть ему не по силам)'; *Сорэм шицки* 'Высохшая птичка'; *Лүйэм шицки* 'Гнилая птичка', *Лүйэм шойэт* 'Гнилой хвост', последние три примера передают неодобрительное отношение к поведению пожилого мужчины; растительный код – *лүйэм тулэх, сот ол нохэр йүх*. Мы выделяем также в хантыйском языке предметный код, например: *Пирэц көравньэк* 'Старый короб, сплетенный из корней'; *Лүйэм аңкэд* 'Гнилой пень' (о пожилом человеке).

Таким образом, важнейшие составляющие картины мира возраста хантов представлены периодом женитьбы или выходом замуж. Периоды развития хантыйского человека символизируют слова, указывающие на развитие животных и птиц, например: животное, детеныш, медвежонок, бык, олениха, птичка, а также слова, называющие части тела, растения, предметы: короб, пень, пояс, слопцы (орудие охоты), пуповина, кедр, гриб, дерево.

Высказывания о возрасте связаны с соотношением возрастных характеристик объекта с закрепленными в хантыйской ментальности нормативными представлениями о внешнем виде, поведении, способностях человека в том или ином возрасте, на базе чего выносится оценочное суждение, например: Ай пух, ванты, митрайэн, *хөйа* ки йил, хө йүвтэм картаң ньол илпийа питты кем хө әл әнтөм 'Маленький мальчик, видишь ли, способный, когда станет мужчиной, никогда не попадет по стрелу, пущенную другим' (о возрасте мужчины старше 30 лет); *Дуваттад-кәрицаттад* сот ол енмэм нохэр йүх дуват 'Размером-высотой он такого же размера, как столетний кедр'; *Ими пеләка мәнәм эви* 'Девочка, перешедшая на женскую половину жилища'; Пухийем енма. *Вөнта йәңхты күрийән*, күрийән енма. *Вөнта йәңхты йошийән*, йошийән енма 'Расти сынок=мой. Пусть растут твои ножки, которые в лес ходят. Пусть растут твои ручки, которые в лес ходят'; *Шихэр пәты ай пух* 'Мальчик, родившийся у пожилых супругов (букв.: маленький мальчик скрипучего дна)'; Йәкөр икэн ньувты тащ 'Стадо годовалых оленей Егора' (так неодобрительно оценивается поведение мужчины и девушки, родившей в 14-15 лет).

Наиболее актуальным для сознания говорящих является трехчленное деление возрастного континуума: *ай* детство, *вөн* зрелость, *пирэц* старость, например: *Ай тедн* ма тата вольясэм 'С детства я здесь бывал'; *Щиты хүв вөсэт, ван вөсэт, имәлтыйән ин ай икилэңкэд ваңкийдты* питэс, *шөшийдты* питэс 'Так долго жили, коротко жили, наконец мальчишка стал ползать, ходить стал'; *Вөн кәтнәдэв* ши йилдән 'Старшие наши (букв.: большие двое) идут'; *Пирэцән йүхэтты питсайэм* 'Я стареть стал' (букв.: старостью приходим стал).

Ядром лексико-семантического поля «возраст» являются лексемы *нөпөт* 'возраст, век', *ол* 'возраст, год', *тәд* 'зима, возраст', *дуват* 'приблизительный возраст', *нуви* 'свет, период', *тыдэц* 'месяц'.

В центре поля находится ЛСГ слов с гиперсемой «указание на отдельный возрастной этап, определенную ступень развития», в качестве базовых можно выделить лексемы: *ай пурра*, *һаврема вөдты мәр* 'детство', *енәмты йох*, *ворәмты йох* 'молодость', *вөна йүвәм йох* 'зрелость', *пирэц* 'старость, старый', они являются нейтральными по стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске. Однако лексемы *ай* и *вөн* не позволяют резко разграничить периоды детства и юности, зрелости и старости, так как эти слова многозначны; значение слова может быть понято только из контекста.

В смысловом блоке «лицо, находящееся в детском и отроческом возрасте» мы выделяем базовые единицы – *һаврәм* 'ребенок', *эви* 'девочка', *пух* 'мальчик, подросток'; в смысловом блоке «лицо, находящееся в зрелом возрасте» мы выделяем базовые единицы – *ики*, *ими*, *нө*, *хө*; в блоке «лицо, находящееся в пожилом возрасте» мы выделяем базовую единицу – *пирэц*.

В языке отражается древнейшая, архетипическая оппозиция старого и нового, которая применительно к периодам человеческой жизни проявляется в противопоставление *молодости* и *старости* как этап физиологического развития и законченной зрелости: *И ат ходәм ай*

икэд 'Новорожденный' (букв.: одну ночь ночевавший мальчик); *Пуихийэ*, омса 'Дите=мое, садись'; *И ол кема йүвэм хө ньврэм пәсан хонәнн лэвман-йаһщман омәсәл* 'Мальчик, примерно годовалого возраста, около стола сидит-ест'; *Щащцащи нөпәта* йүвэм кәтңән 'Двое, достигшие возраста бабушки'.

Лексико-семантическое поле «возраст» представлено в хантыйском языке пространственными параметрами, так понятие молодежь осмысливается, как *йэдды вөдты* йох (букв.: вдаль (вперед) живущие люди); старость же характеризуется, как движение вниз: *Мүң илды энәмты* питсәв 'Мы состарились (букв.: вниз расти стали)'.

Продолжительность жизни в древности определялась не по годам, а по росту и силе человека: старость, то есть зрелость, достижение известного роста, дуально противоположна молодости, юности, то есть незрелости, свежести, хрупкости костей, например: *Күрәд күра йис, йошәд йоша йис* 'Повзрослел' (букв.: нога ногой стала, рука рукой стала); *лүвәд ньорәх* 'Кость=его хрупкая'; *Вөн хуйат* 'Взрослый (букв.: большой)'.

Положительную оценку получает взрослый, зрелый человек, человек, имеющий силу, крепкий, большой; первый, например: *Одән икиле* пухәл нумәсэн вө 'Первый мужчина живет умом сына'; *Йис хө йүвтам ньод вүс нөпәт доль* 'Отверстие стрелы, пушенной древним человеком, век не исчезнет'; *Адән хө пеләка* йүвемән 'Когда я стал зрелым (букв.: в сторону мужчины утра)'; *Вөнашәж йүвәм ики* 'Мужчина зрелого возраста'. Отклонения от этой некой условной нормы (быть взрослым) в сторону маленький и молодой, а также отклонения в сторону старости оцениваются отрицательно, например: *Антпем лакнәм йүпийән* ар хорләнқән, э, тум хәщсәт. Худна *көсән* вөдмем. 'После того, как состарился я (букв.: пояс=мой ослаб), сколько оленей поймал. Еще я сильный=оказывается'; *Пүкән ов фразеол.* 'Пуповина' (бес-толковый, несообразительный, имеет плохую память (о старом человеке); *Лыйәм сесеңән* 'Гнилые слопцы' (о пожилых людях, муже и жене); *Ньврәма йис* 'Стал ребенком (о старом человеке)'.

Возрастная шкала в хантыйском языке находит отражение в мире природы: старость – вечер, закат, зима – север; утро – молодость, например: *Йеңки щорс пелә мәнты кема йис* 'Старый (букв.: достиг возраста, когда уходят к ледяному морю)'; *Йеңка вантты йеңк имәңән-икеңән, дөңца вантты дөңц имәңән-икеңән* 'Старые муж с женой (букв.: на лед глядящие ледяные, на снег глядящие, снежные)'; *Йәтн хө пеләка* йүвмәдн щи верәт уша версәдә 'Когда он стал старым, узнал об этом' (букв.: в сторону вечера перешел); *Аңкәд хөдәм тәд* ай эвийа йис 'Мать превратилась в трехлетнюю (букв.: три зимы) девочку'; *Вәтйәң тәда* йис 'Когда ему исполнилось 50 зим'; *Йәтн хөңд пелкәма* щи питсәм 'Я стал старым (букв.: перешел в сторону вечерней зари)'.

Первичное значение фразеологизма рождает вторичное – возрастное, что обусловлено связью категории возраста и времени, возможностью использования одних и тех же лексем для номинации периодов как объективного, природного времени, так и субъективного, человеческого времени жизни.

Параметр *возраст* интерпретируется как один из основных в формировании отношения к человеку, мнений о его способностях, желаниях, действиях людей на том или ином жизненном этапе, а также стереотипным представлениям о возрасте. Стереотипы, нашедшие отражение в языке и речи, накладывают ограничения на употребление некоторых конструкций, лексических единиц и обуславливают определенные коммуникативно-нормативные обязательства участников общения, это требует употребления данных единиц только внутри семьи, так как они связаны с указанием на физиологические изменения человека; поэтому часто они функционируют, как фразеологические единицы, например: *Икийа йис фразеол.* 'Стала женщиной' (о женщине в зрелом возрасте); *Курәд мөрийтс, Хом ләһщцаки* и др.

Основными когнитивными категориями, определяющими содержание концепта возраст в хантыйской языковой картине мира, являются категории времени, развития, градуальности. Возраст предстает как осязаемое и осознаваемое воплощение процесса развития индивида, измерение его движения во времени, осуществляемого поэтапно в соответствии с членением возрастного континуума. Представим некоторые этапы развития человека. Так детство представлено следующими периодами: *Ньврәм сәм сайн вөдты йит* 'Период внутриутробного

развития ребенка'; *Төп сема питәм һаврәм* 'Новорожденный'; *Есәм шепты һаврәм* 'Грудной ребенок', *Онтпән һаврәм* 'Ребенок периода люльки'; *Пеңкды һаврәм* 'Возраст, когда у ребенка еще не выросли зубы (букв.: беззубый ребенок)'; *Шөшидэты дуват һаврәм* 'Ребенок в таком возрасте, когда начинают ходить'; *Хөхэьэты дуват кем һаврәм* 'Ребенок в таком возрасте, когда начинают бегать', например: *Майтырн, хөхэьэты дуват кем пухлэнки, ай пухлэнки шивалэс* 'Оказывается, он увидел маленького мальчика, мальчик приблизительно такого возраста, когда начинают бегать'; *Пеңкды һаврэм, муйа венш вантты вух хонэна төлэн* 'Беззубый ребенок, зачем к зеркалу подносишь его'; *Щиты ваңкидты дуваттыя һаврэма йис* 'Так он вырос и стал ползать (букв.: ползать возраста стал)'; ср. с возрастными периодами, представленными в сургутском диалекте: *пәңкләх неврем* 'Возраст, когда у ребенка нет зубов'; *Йоҳ сәмдэтэ ким неврем* 'Возраст узнавания людей'; *ваңкидтэ ким неврем* 'приблизительно возраст ползания (букв.: ползать приблизительно ребенок)'; *сөччэ ким неврем* 'Возраст, когда ребенок начинает ходить' (букв.: приблизительно ходить ребенок); *көвилтэ ким неврем* 'Возраст, когда ребенок начинает бегать'; *йәвдән-ньолән ким неврем* 'Возраст лука и стрел'; *йынтпи-сувми ким неврем* 'Возраст иголки с ниткой'; *Чәңкләм ким неврем* 'Возраст взросления ребенка' (информация А. С. Сопочиной). Подобное представление о периодах роста и взросления ребенка имеются у многих народов Севера, так, например, в эвенском языке мы встречаем следующее описание возрастных стадий: «уже ходить начал», «из лука в птичек стрелять начал», «игрушечный аркан-мавут бросать начал», мальчик «уже охотиться начал» [1, 74]; ср. подобные возрастные характеристики развития человека на примере хантыйского, мансийского и ненецкого языков приведены в работе В. И. Сподиной [6, 76–80]; перечисленные возрастные периоды ребенка указывают на физическое развитие ребенка в определенный период жизни и социальные нормы этноса.

Лексико-семантическое поле *возраст* представлено разными частями речи, например, именами существительными: *ай, пирэц, не, пух, хө һаврэм, именэн-икенэн*, именами прилагательными: *икен-һаврэмән, айдат*; глаголами и глагольными формами: *толэмты* 'дряхлеть умственно', *енэмты* 'расти', *шеңкләм-вормэм* 'созревший-взрослеющий', *енэмты-ворэмты* 'расти-созревать' и различными словосочетаниями.

Образно-коннотативные значения концепта возраст в хантыйской языковой картине мира типизированы на основе метафор, восходящих к архетипам сознания: «человек – животное», «человек – предмет», являющихся отдельными гранями единой всеобъемлющей метафоры «человек – мир», возникшей на основе наивных представлений о близости этих двух феноменов.

Своеобразие концепта возраст проявляется в богатом аксиологическом содержании: возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств человека. Представление о возрасте обязательно включает нормативный аспект, поскольку в высказываниях со смысловым компонентом «возраст» обычно соотнесены характеристик некоего объекта с закрепленными в хантыйской ментальности нормативными представлениями о способностях, функциях, присущих человеку на определенной жизненной стадии, что и позволяет высказать оценочное суждение.

Семантическое пространство «возраст» очерчивается в лексической системе хантыйского языка лексико-семантическим полем «возраст», которое представляет собой межчастеречное образование и характеризуется многообразными парадигматическими, синтагматическими, ассоциативно-деривационными связями. Элементы и группировки лексико-семантического поля широко отображают как реалистическое, так и мифопоэтическое, в том числе оценочное, ассоциативно-образное, национально-культурное содержание концепта возраст. Концепт возраст, являясь микро моделью культуры, участвует в формировании представления о целостном образе человека, позволяя выделить в системе его языковой реконструкции ипостась «человек развивающийся»; она реализуется в подмножестве возрастных языковых образов, которые последовательно сменяют друг друга. Значимыми для объяснения сущности параметра возраст в хантыйском языковом сознании мы считаем оппозиции «внутренний – внешний», «молодой – старый», «мужской – женский», «индивидуальный – социальный».

Итак, когнитивно-семантическая модель концепта возраст строится на основе категорий градуальности, оппозитивности, нормативности, оценочности, образности, стереотипизированности, репрезентирующих устойчивые, структурированные коллективным сознанием значения и смыслы единиц языка.

Литература

1. Бурькин А. А. Традиционный календарь, счет сезонов и возраста у эвенков // *Время и календарь в традиционной культуре*. СПб., 1999. С. 71–78.
2. Прокопьева Н. Н. Время и возраст человека в традиционной картине мира восточных славян // *Время и календарь в традиционной культуре*. СПб., 1999. С. 175–177.
3. Литвиненко Ю. Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
4. Любина И. М. Аксиология концепта "возраст" в русской, британской и американской лингвокультурах : автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
5. Соловар В. Н., Тарлина Н. Лексика, связанная с обрядами деторождения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // *Казымские чтения: материалы научно-практической конференции*. Ханты-Мансийск, 2010. С. 155–178.
6. Сподина В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев. Ханты-Мансийск, 2010. 113 с.

References

1. Burykin A. A. Tradicionnyj kalendar', schet sezonov i vozrasta u jevenov // *Vremja i kalendar' v tradicionnoj kul'ture*. SPb., 1999. S. 71–78.
2. Prokop'eva N. N. Vremja i vozrast cheloveka v tradicionnoj kartine mira vostochnyh slavjan // *Vremja i kalendar' v tradicionnoj kul'ture*. SPb., 1999. S. 175–177.
3. Litvinenko Ju. Ju. Koncept vozrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka v russkoj jazykovej kartine mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Omsk, 2006.
4. Ljubina I. M. Aksiologija koncepta "vozrast" v russkoj, britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah : avtoref. dis... k. filol. nauk. Krasnodar, 2006.
5. Solovar V. N., Tarlina N. Leksika, svjazannaja s obrjadami detorozhdenija (na materiale kazymskogo dialekta hantyskogo jazyka) // *Kazymskie chtenija: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii*. Hanty-Mansijsk, 2010. S. 155–178.
6. Spodina V. I. Nomenklatura rodstva kak universal'nyj sociokul'turnyj fenomen obskih ugrov i samodijcev. Hanty-Mansijsk, 2010. 113 s.